

Е.И.Янович

Книжнославянские традиции церковного красноречия
в творчестве К.Туровского и Ф.Скорины

Вместе со славянскими переводами греческих гомилетик, которые были предприняты славянскими первоучителями, на Древнюю Русь пришли образцы риторического искусства. Его основы были заложены в трудах греческих писателей и риторов, а в эпоху борьбы христианства с античным язычеством создавалась наука о христианском ораторстве, расцвет которой приходился на IV-- V в.в. н.э. Византийские традиции церковного красноречия, воспринятые на Руси, означали в отличие от аттического направления в развитии риторики ориентацию на украшенность и занимательность изложения, изобилующего контрастами. сравнениями. метафорами. Воздействие этих традиций мы видим в произведениях К.Туровского. Несомненно также и то, что своими истоками его литературное мастерство восходило к текстам Священного писания, тем более. что граница между библейскими текстами и другими видами богослужебных произведений никогда не была жесткой. В сознании средневекового человека библейские мотивы существовали неразрывно с их толкованиями и обработками в гимнографии и гомилетике, и поэтому художественное мышление древнерусского писателя можно назвать богослужебным [1,с.115].

В данной работе предполагается рассмотреть преломление древних славянских традиций гомилетики в ораторских приемах К.Туровского в сопоставлении с приемами литературного мастерства Ф.Скорины, проявившегося при создании оригинальных текстов предисловий к издаваемым им книгам Библии. И хотя очевидны и жанровые различия произведений этих писателей, и несходство прагматических установок деятелей разных культурно-исторических эпох, все же основу для такого сопоставления можно видеть и в общности книжнославянских истоков их литературного мастерства, и в сближающем их жизнеутверждающем пафосе их произведений.

Одним из основных художественных принципов стилистики проповедей К.Туровского, восходящих к теоретическим постулатам греческой риторики и воплощенных в славянских переводах богослужебных книг, является определенная соотносительность отдельных отрезков поэтического текста по объему, синтаксической структуре и ритму [2, с.87].В их составе та или иная тема словесно варьируется, распространяясь до полного исчерпания, до отказа, во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках, что определяется исследователями как риторическая амплификация [3, с.51]. Последовательная реализация этого приема при введении антонимов и однокоренных слов создает риторические тирады, фрагменты более или менее замкнутые в стилистическом отношении.

Яркий пример риторической амплификации как способа исчерпывающего доказательства пользы божественного учения представлен в следующем фрагменте текста из притчи К.Туровского о слепце и хромце:

Добро убо, братье, и зѣло полезно, же разумевати нам божественных писаний учение; се и душу и зѣломудрену стваряетъ, и к смирению прилагаетъ умъ, , и сердце на реть добродѣтели извоостряетъ, и всего благодарствѣна челоуѣка стваряетъ, и на небеса ко владычнимъ общаниемъ мысль приводитъ, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и приобидѣние сего настоящего жития и славы и богатства творить и вся живописныя свѣта сего печаль отводитъ [4, т.ХІІ, с.340].

Эта тирада представляет совокупность предикативных конструкций, соотносительных по объему и синтаксической структуре, соположенных по ритму и согласованных по рифме за счет одинаковых окончаний глаголов, которые занимают конечные позиции в каждом из соположенных отрезков текста. Показательно, что именно в конечных позициях реализуется повтор одних и тех же слов (*стваряетъ*) или употребление однокоренных слов (*творить – стваряетъ, приводит – отводитъ*).

Рассмотренный риторический прием находит воплощение не только в устной проповеди священнослужителя XII в. К.Туровского, но и в книжных предисловиях просветителя XVI в. Ф.Скорины, обращавшегося к современникам с печатным словом. В предисловии к изданной им в начале XVI в. Псалтыри он рассуждает о значении псалмов в жизни человека следующим образом:

псалмы якобы сокровище всихъ драгихъ скорбовъ, всякие немощи, духовныи и телесныи, уздравляютъ, душу и смыслы освѣщаютъ, гнев и ярость усмиряютъ, мир и покой чинятъ, смутку и печаль отгоняютъ, чювствіе в молитвахъ даютъ, людей в приязнь зводятъ, ласку и милость укрепляютъ, бесы изгоняютъ, ангелы на помощь призываютъ [5, с.20].

Как видим, приведенная тирада характеризуется такой же однотипностью целого ряда предикативных конструкций в отношении объема, структуры, ритма и рифмы, скоплением и парным объединением синонимических и близких по значению слов. Так проявляется воздействие древней риторической традиции, которая поддерживалась на протяжении столетий теми образцами церковного красноречия, которые восходили к древнейшим славянским переводам богослужебных текстов. Среди них особое место принадлежит Псалтыри, памятника, образцового для стиля церковной риторики, которому были присущи отмеченные в текстах К.Туровского и Ф.Скорины приемы парности и параллелизма языковых единиц разных уровней, от слова до предложения.

Вместе с тем наиболее характерной чертой поэтического стиля К.Туровского выступает преобладание троичных повторов тождественных, синонимичных или концептуально сближенных слов и конструкций. Исследователями отмечено, что “все его тексты как бы сотканы из своеобразных триад” [6,с.41], и это можно рассматривать как результат творческого разви-

тия древних традиций. Пример такого способа построения текста можно видеть в следующем фрагменте из “Слова на пасху...”:

дары честны с вѣрою той принесем,

дадим по силѣ, яко можем:

ов милостыню и безлобье и любовь, (1)

другий дѣвство чисто и вѣру праву и смѣрение нелицемѣрно (2)

ин псаломъское пѣнье, апостольское учение,

молитву с воздыханиемъ к богу (3) [4, т. XIII, с. 415].

Речевое мастерство автора состоит не только в обновлении принципов соположения текстовых отрезков, но и в разнообразных способах варьирования тех компонентов, которые объединяются как триады: в первый из трех соположенных отрезков включены три близких по значению существительных (1), во второй – три атрибутивно-именных словосочетания с постпозитивным определением (2), в третий – три атрибутивно-именных словосочетания, два из которых имеют препозитивные согласованные определения, а третье – несогласованное определение (3), что разрушает монотонность перечисления и вносит особый оттенок в ритмический рисунок текста.

Интересный результат обогащения и развития новых черт церковной риторики, достигнутого древнерусскими книжниками, в том числе и прежде всего К. Туровским, представлен в литературном наследии Ф. Скорины. Показательным в этом отношении является сопоставление приведенной риторической тирады К. Туровского с фрагментом предисловия Ф. Скорины “в книгу Екклесиастес”, сближающихся тематически и структурно. Приведем этот фрагмент:

в розмаитых речах люди на свете покладают мысли и коханья своя (1)

едины в царствах и в пановании, (2),

друзии в богатестве и в скарбох (3),

инии в мудрости и в науце (4),

а инии в здравии, в красоте и в крѣпости телесной (5),

неции же во множестве имения и статку (6),

а неции в роскошном ядении, и питии и в любодеении (7),

инии теже в детех, в приятелех, во слугах и во иных различных многих речах (8) [5, с. 51].

В этом случае можно наблюдать особый способ реализации древнего принципа парности для достижения полноты перечисления. Своеобразие этого приема определяется сочетанием соположенных текстовых отрезков, организованных на основе парности (1) – (4), и отрезков, которые включают не по два, а по три субстантива в позиции объекта (5), (7). Но фрагменты текста с тремя субстантивами не выпадают из ритмического рисунка текста, так как только в их состав входят согласованные с дополнениями определительные слова, благодаря чему число именных лексических единиц в позиции объекта оказывается все же четным [7, с. 96].

Общей чертой стилистики К. Туровского и Ф. Скорины является повторение в начальной позиции отдельных слов или словосочетаний (анафора). Конструкции этого типа могут по-разному сочетаться с другими ритори-

ческими фигурами в сопоставляемых текстах. В произведениях К.Туровского повтор служит, прежде всего, раскрытию и углублению темы, и нередко входит в состав излюбленной автором триады (4):

Днесь новым людем (1)

въскресения Христова и поновления праздник (2),

и вся новая богови приноситься (3)

от язык вѣра, от христьян требы, от иерѣи жертвы (4)

[4, т.ХІІІ, с.417].

В тексте Ф.Скорины прием анафоры также сближаясь с амплификацией, сочетается со свойственным этому автору стремлением к парности и к ее расширению:

Псалом ест вся ѡ ѿрѣкви единый глас, свята украшаетъ (1),

псалом всякую противность, еже ест бога ради, усмиряетъ (2),

псалом ест ангельская песнь, духовный темьян,

вкупѣ тело пѣниемъ веселитъ, а душу учитъ (3), [5, с.21].

Обращает на себя внимание то, что последний из соположенных отрезков с анафорическим повтором первого слова (3) в отличие от других отрезков с тем же синтаксическим составом включает удвоение именных и глагольных конструкций.

Вопрос о сходстве и различиях в стилистике К.Туровского и Ф.Скорины затрагивает использование приемов аллегории и символизма. Метафорический стиль изложения в целом весьма характерен для религиозно-дидактической средневековой литературы ХІ-ХІІ [8, с.19], и рассматриваемые сочинения, конечно, подтверждают это положение.

Вместе с тем можно заметить определенное своеобразие символических образов, которые вводит К.Туровский, например, в следующем тексте из “Слова на пасху”:

Днесь весна красується и бурнии вѣтри тихо повѣвающе плоды гобъзуютъ, и земля сѣмена питаючи зеленую траву раждаетъ. Весна убо красная естъ вѣра Христова....., бурнии же вѣтри грѣхотворнии помыслы, иже покаяннемъ претворышася на добродетель душеполезныя плоды гобъзуютъ. Земля же естѣства нашего, аки сѣмя слово божие приемши.....дух спасения раждаетъ [4, т.ХІІІ, с.416].

Аллегорические образы весны, ветра, земли введены как украшающий троп и не подчинены задаче осмысления или истолкования темы искупления грехов. Предикативные и генитивные метафоры (*земля дух спасения раждаетъ*; *земля естѣства нашего*), которые развивают аллгорию, создают красочную картину праздника искупления грехов, возбуждающего восторженно-радостное настроение, но не имеют своей целью логически разъяснить смысл этих образов.

Тексты Ф.Скорины содержат также немало поэтических метафор, но вместе с тем отражают использование словесных символов в качестве особого приема логического разъяснения и наставления. Так, в предисловии “в книгу песнь песням царя Соломона” Ф.Скорина на основе широко известного

богословской литературе уподобления Христа и церкви жениху и невесте раскрывает содержание библейской книги, “разворачивая” эту ситуацию в бытовом плане: *Яко ж на браку бывают разноликие твари, первая ест жених, вторая невеста, третьи суть друзи жениховы, а четвертая дружина невестина. Тако ж и в книзе сей четыре гласы черным писмомнаписаны суть. Глас Христов он же ест жених, глас церкви Христовы, еже невеста ест; глас апостолов, сии же суть дружина женихова; глас отроковиць, иже детей церкви Христовы знаменует* [5, с.56]. Так земные понятия вследствие их метафорического обозначения разъясняют отвлеченные понятия, а учительное красноречие получает преобладание над торжественным.

Проводя сопоставление некоторых черт идиостилей К.Туровского и Ф.Скорины, необходимо, конечно, принимать во внимание существенные различия в мировоззрении, образовании, социальном положении, жизненном опыте, прагматической ориентации литературного творчества, что было продиктовано общественно-историческими условиями того времени, представителями которого они выступали. Трудно представить возможность полного совпадения риторических приемов устной церковной проповеди епископа XII в. и книжного предисловия, написанного философом-просветителем XVI в. Но несомненно, что то общее, что сближает их как мастеров слова, как и то, что их различает, восходит к древним традициям славянских переводов церковных книг, которые получили глубокое и своеобразное развитие под пером талантливых писателей разных эпох.

1.Наумов А.Е. Св.Кирилл Туровский и Священное писание. – Philologia Slavica. К 70-летию Н.И.Толстого. М., 1933.

2.Верещагин Е.М. Две линии в языкотворчестве Кирилла и Мефодия и их последователей: формирование терминологии, создание поэтической традиции.—Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.

3.Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского.—Труды отдела древнерусской литературы. 1962. Т.XVIII.

4.Здесь и далее тексты К.Туровского цитируются по следующему изданию: Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. – Труды отдела древнерусской литературы. 1956. Т.XII; 1957. Т.XIII.

5.Здесь и далее тексты Ф.Скорины цитируются по следующему изданию: Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1988 (по техническим причинам введены некоторые буквенные упрощения).

6.Колесов В.В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского. – Труды Отдела древнерусской литературы.1981. Т.XXXVI.

7.Яновіч А.І. Стылістыка тэкстаў скарынінскіх прадмоў. Stylistyka II. 1993. Opole.

8.Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.-Л., 1947.